

Павел Россиев

Очерки Боснии и Герцеговины

В Метковиче, небольшом городе Далмации, откуда начинается железнодорожная колея в Герцеговину, я подходил к кассе, чтобы купить билет. На меня упал пытливо-проницательный взгляд смуглого господина в скромном костюме.

— Кто вы?

— Я русский.

— Куда путешествуете?

— В Боснию-Герцеговину.

— А, хвала вам! Русские братья совсем нас забыли... В каком классе хотите ехать?

— Во втором.

— Нет! — порывисто схватив меня за руку, вспыхнул он: — слышите? Нет! Славянин должен ехать в третьем классе, чтобы швабам не досталось нескольких лишних крон.

Эта случайная встреча и разговор с босняком останься для меня всегда памятными и показателем существовавших отношений между славянским населением Боснии-Герцеговины и австро-венгерской властью. Заняв край, Австро-Венгрия прорезала его не только стратегической “железницей” (железной дорогою), но провела также шоссе, понастроила покойных и уютных гостиниц, доступных людям среднего достатка, объявила кислые воды, осенние скачки, тирь для стрельбы, охотничьи эдемы и тому подобное; словом, “счастливая” хозяйка хотела показать просвещенным соседям, что недавнее “гнездо разбойников и головорезов” превращено ею в настоящий уголок Европы, где можно с приятностью проводить время; и те шатуны, которые знакомятся с краем при помощи хитроумного Бедекера и не углубляются в суть вещей, конечно, верили австрийцам и мадьярам и преклонялись пред их культуртрегерством. Зрячие настолько, насколько это дозволено Бедекером, туристы, европейцы и американцы не замечали, что кислыми водами пользуются исключительно австро-венгерские чиновники, что на скачках развлекаются только венгерские кавалеристы и их родня и знакомые и что комфорт и доступность отелей поддерживаются имперским казначейством. Отвращение славян к этим гостиницам ускользало от взоров туристов, равно как и то, что культуртрегерство здесь опиралось на полицейское воздействие.

В глазах католических “господарей” православный элемент населения казался образцом сверх-пошехонской простоты; далее хорватская литература не скупилась на забавные оттенки, характеризуя босняка и герцеговинца; поэтому на служебных лестницах верх — австро-венграм, середина — хорватам, а низшая ступень — православному. Будучи подъяремным, он мирился с этим по необходимости и в то же время таил и поддерживал в душе надежду на избавление его от ярма и невыносимой жизни. Вера в избавителя, русского царя, и избавительницу, Россию, никогда не угасала, несмотря на то, что мы, казалось, шли путем уступок Австро-Венгрии. Как известно, вопрос о возможном присоединении Боснии и Герцеговины к Австрии возник в 1871 г. в Зальцбурге, во время свидания германского императора с австрийским; Бисмарк тогда заявил, что такой прирост австрийской территории не затрагивает интересов Германии. Возможное стало действительностью. Власть мусульманских бегов, мулл и Корана сменилась властью принципов, которые, как будто бы, легли в основу устройства европейского (христианского и просвещенного) государства... Но так только казалось, а на самом деле не было. И те, кто доселе были притесняемы турецким чиновничеством и были бичуемы Кораном, нетерпимым к христианству, узаконяющим рабство, унижающим женщину, стали не менее прежнего переносить от гражданских австро-венгерских властей и воинствующей римско-католической церкви.

Образ русского царя слился с представлением о стрице (дяде, родном брате отца), культ которого достоин внимания. Когда нет отца, то осиротелая семья замену его видит в стрице.

Он берет на себя все заботы о сиротах, которые, взамен, платят ему нежной любовью, преданностью и глубоким почитанием... Для сиротливого босно-герцеговинского православного народа стриц, это — царь.

II.

По дороге в Мостар. — Кондуктор и... форель. — Мостар — столица геройской Герцеговины. — История православного храма. — Архистратиг Михаил. — Карагьоз-мечеть. — Свод всемогущества Божия. — Черная королева.

Путь от Метковичей до Мостара, окружного города Герцеговины, восхитителен. Первые версты поезд проходит у самого моря, так что, кажется, адриатические волны зарываются между вагонных колес; потом надвигаются горы, и Адриатика из широкого, широкого плато превращается в узкую синюю ленту, затем и эта лента пропадает, а взамен ее раскрывается зеленая долина. Там пашни, а там типичные для края скалы с торчащими на них кустами. В отличие от скалистой Герцеговины соседка

Караг'оз-мечеть

Босния нагружена горными исполинами, на которых темнеют густые леса. Железная дорога изломалась донельзя; параллельно ей стелется соединяющее села шоссе. Из окна вагона видны кипарисы, олеандры; коробки-станции задерживают на минуту-другую поезд и, отпустив его, теряются, не оставляя по себе сожаления. В памяти осталась только Старая Рагуза, потому что она дала поезду пассажирку, истую герцеговинку: в белой юбке и темной безрукавке и белой-белой сорочке; розовый галстук завязан бантиком под тонким подбородком миловидной девушки. Мелкие волны черных волос пропадают под сплissированной белой косынкой.

За Старой Рагузой показались виноградники. Как у нас, например, в Абхазии не любят ухаживать за виноградом, предоставляя его на волю Божию, так и здесь; но сбор винограда, это — праздник, сопровождаемый весельем и песнями, которые не прекращаются в течение целого дня; а когда он гаснет, тогда зажигаются костры, жарятся на вертеле ягнята, начинается стрельба из ружей, и пошел по рукам стакан с молодым вином. Между тем чередуются подъемы и спуски; море снова синее одним сплошным синим глазом; мгновение — и все исчезает; раскрывается черная пасть туннеля, еще и еще. И опять морская синь с островками и с белыми крыльями ленивых парусников. Горы то подойдут, то посторонятся. То долина, то скалистый, сказочно-причудливый коридор... Пропasti, пересохшие реки, нивы. С искусственных холмов глядят домики торгового городка Чаплиины (Цаплины). Зброшенный

“торговый путь” подсказывает вам, что в древние времена в этих местах кипела промышленная жизнь.

Кондуктор, в обязанность которого входит наблюдение за русским путешественником, давно уже предупредил, что в этих местах нет ничего интересного, из-за чего стоило бы выходить из вагона, тогда так в Мостаре и отличные отели, и достопримечательности, и... превкусные форели. Красавица края, река Неретва обильна форелью, а мостарские повара умеют превосходно ее подавать; словом, по убеждению господина кондуктора, вне Мостара и его ближайших окрестностей (где достаточно “гороховых пальто”) нечего делать, особенно русскому...

Белый нагорный городок Дретели с мечетью и крепостью представился нам после Цаплины. Синяя Неретва бежит к городку, вровень с берегами, вдыхая аромат фиговых, ореховых и оливковых деревьев. На пути встретился островок: река обежала его, наткнулась на порог и рассыпалась серебром, и затем, поклубясь, пошумев, тихо заструилась. Окаймленная горами Хумом и Вележем, долина Неретвы весьма живописна. В объятиях этих гор — и Мостар.

Столица “юнацкой” (т. е. геройской) Герцеговины — Мостар — на половину европейский, на половину азиатский город. Значительнейшая новая часть города имеет постройки европейского характера; но эта выставка австрийского владычества не представляет ничего типичного; гораздо интереснее прежний, турецкий Мостар с узкими улицами и низкими домами. Здесь сосредоточивается та часть населения, которая есть пульс городской жизни и не только молится богу торговли и ремесел, но и вздыхает о прошлом, вздыхает от настоящего и вздыхает в ожидании лучшего будущего. Здесь терпение и труд совместно ткут пестрые ковры, делают художественные вышивки и ослабляют человеческое зрение на изготовлении серебряных вещей.

Бедекер зовет посмотреть на табачную фабрику и на маленький форт, но меня не тянет ни туда, ни сюда. Я предпочитаю пойти к старинному турецкому пешеходному мосту через Неретву. Турки, как все сыны Востока, любящие цветистую речь, называют его “Свод всемогущества Божия”. Этот свод, эта мастерская по выполнению, узкая и легкая арка вызывает удивление. Давно славятся голландцы, как строители мостов, на которых у них зиждется благосостояние; но голландские мосты тяжеловесны; Восток, где горы, кажется, подпирают небеса, а горные потоки, реки, пропасти и провалы беспощадно изрезали земной лик, должен был научиться более легко строить мосты. Там они смело взлетают над клубящимися реками, не имея опор, а то так даже и металлического скрепления.

Предание рассказывает: в том месте, где ширина Неретвы достигает восемнадцати сажен, мост стал приходить в ветхость. Жители обратились к султану с просьбой о постройке нового моста. Это было в 1566 году, когда турецким государством, достигшим апогея своего могущества, еще управлял славный Сулейман II. Калиф спросил, есть ли архитектор. Ему отвечали, что есть такой архитектор, который берется построить мост, похожий на небесный свод и без подпорок... Султан пожелал видеть искусника и, когда тот явился, спросил, правда ли, что он может соорудить такой мост, как ему говорили. Архитектор отвечал: правда.

— А если не построишь?

— Тогда пусть мне отрубят голову.

— Строй.

Строитель немедленно приступил к делу, которое не заспорилось. Стали раздумывать, почему бы это, и сообразили, что речные божества требуют жертвы. В жертву им принесли жениха и невесту, которых замуровали в своде; после этого никто уже не мешал работе. Постройка заканчивалась. Надо отнимать леса и подпорки, и тут-то страх овладел архитектором, ручавшимся своей головой. “А что как мост мой рухнет?” — подумал он и бежал из селения. И как исчез он, так не сохранилось и его имя.

Старый мост — Мост стар — дал наименование селению, которое превратилось в конце концов в столичный город Герцеговины.

Православному человеку приятно видеть православный храм господствующим над Мостаром. Смесь византийского стиля с барокко, наш собор в герцеговинской столице является самым величественным храмом в целом крае. Он стоит на возвышенности левого берега Неретвы. В эпоху турецкого владычества православным запрещалось строить церкви, и надо было иметь немало денег и очень много дипломатического искусства, чтобы, так сказать, протаранить запрещение. По рассказу Алексея Николаевича Харузина, в двадцатых годах предыдущего столетия (1800годы) православная церковь Мостара находилась в полном убожестве. Храм был самый незначительный, полуразвалившийся, требовавший коренной перестройки. Других церквей на большом расстоянии от Мостара совсем не существовало. Между тем православная община окрепла, благосостояние ее членов поднялось. Поэтому православное население, не щадя затрат, стало хлопотать у турецких властей о разрешении на постройку нового храма в Мостаре. С этой целью в 1832 году к боснийскому визирю отправились мостарский митрополит Иосиф и представители общины. Фирман (указ) на постройку был получен, старое здание было немедленно

сломано, место для нового расчищено, материал припасен. Но в это как раз время произошла коренная ломка в управлении Герцеговины: она была отделена от Боснии, и во главе ее стал герцеговинец Али-паша Ризванбегович. Дело с постройкой православного храма остановилось, так как мусульмане возмущались успехами православных, фирман же боснийского визиря потерял свое значение. В 1833 году Али-паша явился из Константинополя, чтобы принять управление Герцеговиною. Вместе с мусульманами встретили его и православные, но он обошелся с митрополитом немилостиво. Это не предвещало для православной общины ничего хорошего. Тогда она обратилась за содействием к Гассан-бегу Ресульбеговичу, назначенному Али-пашою каймаком (уездным начальником) в Мостаре. Гассан-бег зарекомендовал себя уже ранее в отношении православных с хорошей стороны. Но и мусульманские улемы (высшие представители магометанского духовенства) не теряли времени: они предстали пред Али-пашой, жаловались ему на православных, просили не допускать постройки церкви, при этом указывали на выгодное положение для православных находившегося в их распоряжении места, говорили, что церковь станет выше всего Мостара, и рекомендовали отвести для храма участок за городом. После улемов ходатайствовал перед Али-пашою за православных Гассан-бег, и хлопоты его увенчались успехом, Он указал, что мостарская церковь единственная на три округа, что в бывшем его, Гассана, Требинском округе в каждом селе по церкви, что земля, где больше церквей у христиан, лучше и смирнее. При этом, дабы снять с себя всякое подозрение, он заявил, что сам он не симпатизирует христианам и что был бы рад посадить их всех на один корабль и потопить, даже утонуть с ними, лишь бы на свете не оставались ни одного "влаха". Али-паша, уступив Гассан-бегу, разрешил постройку православного храма, но с тем, во-первых, чтобы новая церковь не была ни длиннее, ни шире и не выше старой; а, во-вторых, чтобы ему православная община заплатила пятнадцать тысяч, а сыну его 2.500 пиастров (всего приблизительно 1.750 рублей). За постройку принялись немедленно, но, вероятно, вследствие поспешности работы, каменный свод рухнул; он был заменен деревянным. В 1835 году церковь была окончена.

В 1857 году ее видел назначенный консулом в Боснию известный славист наш А. Ф. Гильфердинг и описал таким образом: церковь носит на себе признаки страха, в котором жили христиане, когда ее строили. Крыша ее едва видна из-за ограды и ничем не отличается от крыши простого дома. Чтобы возвысить церковь несколько внутри, христиане принуждены были врыть ее в землю, так что в нее спускаешься по лестнице, ступенек в двадцать. Окна чрезвычайно малы; церковь весьма бедна; образов в ней почти нет; она так тесна, что в большие праздники лишь малая часть народа может в ней поместиться.

Босняк

Очевидно, что с развитием православной общины и с еще большим укреплением ее благосостояния забота о постройке нового, величавого и вместительного храма стала

тревожить сильнее. Но собственных средств у православных герцеговинцев недоставало: взоры их обратились к “мајке Русији” (матери-России), которая и прислала иконы, церковную утварь, священные книги. Между тем, каждая герцеговинка-прихожанка приносила по золотой монете на позолоту куполов. Но в настоящее время купола черны, как дни, переживаемые сербским населением. Православный владыка почти недоступен. Чтобы представиться ему, надо пройти сквозь строй кустодов, которые пылливо оглядывают вас с головы до ног и становятся чересчур подозрительными, узнав, что вы — “од Русији” (из России). Это служит доказательством, что для православия не наступило лучших дней и после замены турецкого владычества австро-венгерским. Действительно, христианское правительство даже благоприятствует постройке и ремонту мечетей и ставит неодолимые препятствия, когда коснется создания православного храма. Когда же удастся его воздвигнуть, то храм таинственно загорается... Так, например, было в Каттаро, где православная новая церковь таинственно сгорела в ночь под Рождество.

В Мостаре не насчитывается и двадцати тысяч жителей. Хотя большинство составляют сербы, магометан же меньше, однако в городе, надо полагать, десятка три мечетей. Тут и там высятся крикливые башни минаретов, и вечерние призывы с них муэдзинов, гораздо более смелые, чем голоса сербов, свидетельствуют, в чью сторону клонятся добрые чувства “шваба”. Из всех, вообще-то незаурядных, мечетей выделяется своей художественностью Карагьоз-мечеть. По местному христианскому преданию, Карагьоз-джамиа выстроена на месте церкви. Православные рассказывают, что при церкви находился большой монастырь; вся братия его вместе с игуменом была изрублена на паперти. Так как после этого ночью показывались привидения, то турки разрушили монастырь, а церковь перестроили в мечеть. Католики, которые, в свою очередь, разрушенную церковь считают своей, передают, что во время ломки здания упала с алтаря икона архангела Михаила и укрылась в ящик, оставшийся в мечети. Его не решаются открыть магометане, а католики отказываются сделать это до тех пор, пока мечеть не превратится снова в церковь. Добавляют еще, что в мечети дьявол устроил качели, на которых он на радостях качается; при оккупации он, было, собрался оставить мечеть. Мусульмане, со своей стороны, передают легенду, что мечеть была сооружена никоею Кадуна-Фатимою, славившейся своей спесью; выстроить мечеть посоветовала ей вила (русалка), предупреждая, что в противном случае Бог ее накажет за ее спесь.

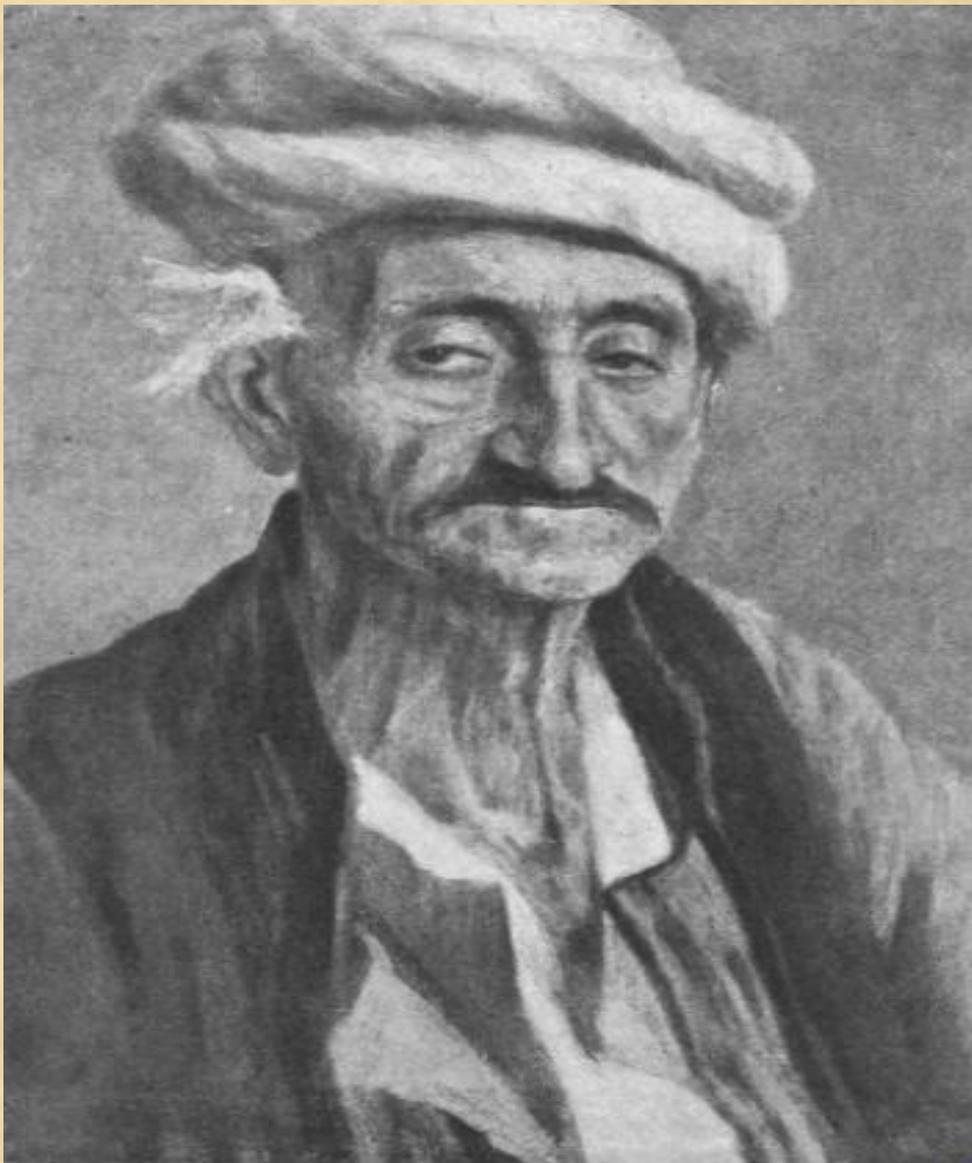
Который это раз приходится слышать о грозном и знаменательном явлении архангела Михаила на Востоке, в час обращения христианского храма в мечеть! Будучи, по Апокалипсису, победителем дракона — сатаны, архистратиг, поэтому, есть патрон

христианских церквей, но, пожалуй, наиболее велик культ его в Германии и на Востоке; и вот: Карагьоз-мечеть заменяет церковь, — образ небесного воина, как знамение гнева, явился и сокрылся, но и сокрытый заставляет трепетать. Когда царьградская Святая София перешла в турецкие руки, страж ее архангел Михаил покинул “Айя-Софию”. Покидая свою святыню, он потряс пламенным мечом, и огненный зигзаг пронизал купол.

Полюбовавшись гармонически-стройным зданием, послушав стереотипной болтовни непрямого турка и бросив взгляд на сталактитовую аркаду минаретной галереи, мы отправляемся в гости к развалинам в полуторачасовом расстоянии от Мостара. Дорога идет в виду Хума и Вележа, из которых последний выдался в долину своим скалистым крылом Подвележем; у подошвы его на Бишче-поле зеленеют прославленные виноградники, а наверху Подвележа — мертвые развалины бывшей герцеговинской столицы Степанограда. Вы знаете, что страна, по которой мы путешествуем, называлась до 1441 года Захолмией. В этом году воевода Стефан Косача получил от императора Фридриха III титул “герцога”, и Захолмия стала называться Герцеговиной. Герцог Стефан (умер в 1466 году) построил для себя замок на Подвележе и отсюда предпринимал многочисленные походы. Это не был человек кроткого нрава, старавшийся друзей превращать во врагов; избегая столкновений с турками (которые через двадцать лет после него овладели Герцеговиной), он воевал с Боснией, с далматинским Дубровником и даже со своими сыновьями. После воинственного Косачи резиденция его была обречена на разрушение, и то, чего не уничтожили турки, разрушило время. Около развалин поселились летучие мыши, птицы и дервиши. Дервиши овладели остатками мечети и сторожат, — не знаю только от кого, — могилу шейха Сариз-Алтука, о котором они рассказывают:

“Вон, в той лазурной, таинственно-тихой пещере, где из земной тьмы начинается река Буна, жил в старину страшный дракон, пожиравший людей, в особенности детей. Народ, не умея справиться с чудовищем, просил Бога послать избавителя, и милосердный Бог послал старца Сариз-Алтука, который и поразил дракона”.

Как будто чувствуется в этом сказании местный вариант мусульманской легенды о Джерджосе (Георгии Победоносце). Валгаллы выходили из черкесских аулов близ черноморского берега. Степанград, Буна и брошенный к подножию степаноградских развалин Благай составляют вместе круг достопримечательностей. В настоящее время Благай — селение, в прошлом — столица Герцеговины; перед новой столицей, Мостаром, Благай склонил голову и с течением времени угас.

Босно – герцеговинский магометанин.

И как плющ лепится к полуразрушенной колонне, так сказ о Черной королеве цепляется за слово “Благай”. Черная королева была последней королевой Боснии. Между королевой и царицей Тamarой (грузинской) есть сходство в том, что обе они любили строить замки и, значит, построили много их, если сохранилось столько развалин. Любимым замком Черной королевы был Благай. Здесь она перемывала ежедневно все новые груды золота, которое чудесно появлялось, так как Черная королева была не обыкновенная женщина. У нее луговая трава обращалась в червонцы; у нее были на птичьем дворе золотые куры и петухи, понимавшие ее речь; лишь только она, волшебница, дотронется, бывало, до кухонной посуды, ан, — та уже делается золотою.

По кожаным мостам королева выходила из своих замков гулять в окрестных городах. Если король уезжал на охоту, то Черная королева сама носила ему пищу в золотой

посуде. Когда надо было доить коров, она сама доила их на лугах, откуда молоко текло на кожаный мост, а с кожаного моста в золотые кувшины и ведра.

III.

В гордую Боснию. — Глухие места. — Сказание о Торлаке. — Боснийская Мекка: Прусач. — Память магометанского святого.

По железной дороге Иван — пограничная станция между юнацкой Герцеговиной и поносной (гордой) Боснией. С приближением к границе угрюмее, мощнее и величавее становятся горные кряжи с лесами, водопадами и долинами. Среди станций — одна только Дрежница запоминается потому, что это — намек на бывшую республику Дрежницу. Республика угасла, но в горах прячутся две деревни: Дольняя (нижняя) и Горная Дрежницы со смешанным населением: православные, католики и турки. Они, к удивлению, живут и зажиточно, и мирно между собою.

Природа дарит непрерывно сменяющимися картинами, полными разнообразия: горы, долины, пропасти, рощи, водопады, ручьи. Впереди сжатый горами Прени, великан в снеговой накидке и шапке из облаков. Ущелье глотает и выбрасывает наш поезд. И снова леса и горы, и шумливые ключи; воздух чист и прозрачен; в сердцевине гор видны незатейливые и довольно-таки убогие домики Ябланицы, откуда ружейные охотники совершают набеги на водящихся здесь в изобилии гусей.

В Ябланице — вон из вагона. Вместо дивана седло, и с сербом-проводником в глухие места... Мне эта глушь напомнила Кавказ с его величавой красотой и большей частью угрюмыми сказаниями. Горная дорога пустынна. Встретилось какое-то лиловое растение, похожее на свечку. Мой спутник рассказывает, что невдалеке тут был замок Винац (Венец). Это было очень давно. В замке жил благочестивый витязь Торлак. Напрасно он так назывался: торлак-то по-сербски означает хвостун... Однажды, когда витязь молился, подкралась душегубы и отрубили ему голову. Что ж! Торлак и без головы выбежал из замка и побежал по горам; и где он пробегал, там появлялось это растение, эти лиловые свечи. В некоторые ночи они сами возжигаются и горят за спасение души убиенного.

Как хороша долина реки Рамы! В двадцатом веке здесь стали хозяевами венгерские короли и их уже величают “королями Рамы”, но от королевства не осталось следов. Мой серб уверен, что также не останется следов и от швабского владычества. Шваб-де сойдет на нет, как сравнительно еще недавний властелин турчин (турок). А прозябание турчинов бросается в глаза и в городке Прозоре, и в Горнем Вакуфе, и в Бугойно.

От Ябланицы до Прозора около тридцати верст. Прозор отличается живописной беспорядочностью; ему не нужны ни улицы, ни дороги; все смешалось в какой-то винегрет: дома, деревья, кофейни, минареты, мусульманское кладбище. Где вы надеялись встретить цветы или прелестную какую-нибудь Фатиму, там вы неожиданно наталкиваетесь на тумбу, под которой могила какого-нибудь последователя Магомета; а этот правоверный “находил небо столь прекрасным, что теперь и из гроба созерцает жилище Аллаха”. В соседстве с Прозором долины покрыты виноградниками; сказать, что турки едят виноград, а не пьют вина из винограда, значило бы понапрасну упрекнуть их в косности. Еще Гильфердинг рассказывал, как один правоверный градоначальник, желая отведать, какая-токая хорошая вещь в бутылке у “гяура”, приставил “ко рту горло бутылки, тянул и тянул, пока не вытянул треть бутылки...” простого спирта. Явление повторялось. То же и теперь.

Радужский кряж, то обнаженный от зеленого покрова, то зеленеющий, отделяет Прозор от следующего глухого городка — Горнего Вакуфа. Лесная дорога ведет в этот трудовой муравейник, прежде славившийся кустарными изделиями и теперь мастерящий кофейные мельницы, которые расходятся по стране, попадая, быть может, и в руки зарубежных любителей кофе. Дальнейший путь в сонную Палестину Бугойно, где нечего отметить, кроме окрестных пастбищ да католического храма, знакомит с прекрасной долиной зеленой реки Врбаса. От Бугойно можно ехать по “железнице” в Хорватию. Там — Дольний Вакуф и боснийская Мекка: Прусач с развалинами древней крепости, павшей вместе с Боснией в 1528 году.

Несмотря, однако, на то, что этим краем овладели сильные (в те времена) турки, находились охотники отнять его и у турок; например, явились с двенадцатью тысячами удальцов два “лыцаря” Трута и Янкович и стали осаждать Прусач. Довольно долго он защищался, когда же силы его поослабли, то осажденные обратились за помощью к травникскому визирю (губернатору).

Но паша не торопился.

Может быть, он потому и не торопился, что Аллах хотел сотворить “чудо”, по молитве какого-то “святого”, жившего в Ирусаче. Жители несчастного города умирали от жажды, между тем как невдалеке бежал поток; он напоил бы горожан, не будь на пути его скалы, которая мешала воде потечь к Прусачу. В первую темную ночь “святой” осторожно, так что не заметили осаждавшие, взошел на скалу и отдался молитве; он молился до полного изнеможения, упал ниц и заснул; и ему приснилось два барана с невероятными рогами. Животные стремились друг на друга с

противоположных сторон и так столкнулись лбами, что “святой” проснулся. И чудо: скала треснула, чрез трещину бежал к Прусачу поток.

Память о «святом» сохранилась навсегда в Прусаче среди Магометан; ежегодно в восьмой понедельник, считая от Егорьева дня (23-го апреля) в Прусач сходятся мусульмане из разных концов Боснии и Герцеговины. В лесу разбиваются шатры, размещаются торговцы, и паломники ждут наступления ночи. Падает тьма, загораются костры. Голоса мало-помалу замирают, тишина овладевает лесным мирком. И торжественно, и таинственно, и жутко. Вдруг возглас шейха: “Алла!” Все, кто в лесу, отзываются шепотом: “Алла”... Словно это эхо... Шейх опять: “Алла!” И вся масса паломников опускается на колени, образовав круг, куда входят шейх с сослужащим ему мальчиком и дервиши. “Ла-Алла!” заводит шейх коленапреклоненный, с взором, обращенным туда, где Мекка в невидимой дали. Тысячу раз уста народа повторяют святое слово; затем шейх поет, как поют муллы, молитву, и все кругом тихо молятся на коленях, точно боясь проронить слово. Шейх поднялся, и все поднимаются... “Алла, ху-у, иа, ху...” Эти клики сразу приводят в мистическое исступление дервишей, которые начинают бешено кружиться, реветь и то потрясают ножами и кинжалами, то вонзают их в себя. Костры освещают лесную картину, пока рассвет не затушет ее.

С рассветом, при пении стихов из Корана, все направляются к месту старинного “чуда”. Шейх всходит на скалу и среди торжественной тишины, как папа с балкона, благословляет паломников, отвечающих ему “аминь”.

День, а в лесу костры опять горят: теперь там жарится баранина. Возвратившиеся от скалы паломники устроят общую трапезу, которую имущие разделят с неимущими, а там и разбредутся все по домам, чтобы в будущем году снова встретиться здесь, если, конечно, Аллах “продлит” жизнь...

IV.

Дольний край. — Кто основал городок Яйце. — В Яйце погребен евангелист Лука. — Францисканцы и трапписты. — Промышленность. — Боснийское духовенство. — Старенький поп.

Дольний край — вот эти самые палестины — представляет довольно-таки любопытную часть страны. Население, да и некоторые этнографы называют его “ключевым”, так как здесь много минеральных ключей. Но словно у нас, на святой Руси, ключи эти в первобытном состоянии, и только Киселяк (“кислушка”), горное селение, еще известен, и углекислая вода его распивается в “двуединой монархии” взамен сельтерской.

Сараево - общий вид.

В Баньялуке, ведущей довольно значительную торговлю, показывают малые остатки римских бань. Римляне, воспетые Горацием и Вергилием, приезжали сюда лечить свои немощи; серные источники, вероятно, были в классические времена в гораздо лучшем состоянии, чем теперь. Впрочем, горные жители подлечиваются от ревматизма, забыв о комфорте и благоустройстве Аахенов, Баденов и Люшонов.

Тут, кажется, все старо: застарелые болезни, старые воспоминания, старинные легенды и предания. Турецкого типа городишко Яйце считает своим основателем евангелиста Луку.

— У нас даже башня святого Луки! И святой кончил жизнь у нас, и здесь он погребен.

Против этого возражать не приходится...

— А вы были у францисканцев?

— А у них что?

— Они хранят скелет последнего боснийского короля Стефана Томашевича.

Это тот злосчастный король, который, при нашествии турок заперся в неприступном замке, но был выдан неприятелю за порог.

Сараево. Хузрев - мечеть

Отцы францисканцы — давние насельники края. С XII века они проповедуют здесь свое учение, то робко, то властнее, и приумножают число овец католицизма. В противоположность слишком уж суровым траннистам, живущим близ Баньялуки в удивительной отрешенности от всего мирского, францисканцы и школы заводят, и лечат; поэтому, если население преклоняется пред аскетизмом траппистов, аскетизмом, который сблизил идеалы православия, буддизма, католичества и восточных религий, то оно подчиняется большему или меньшему влиянию францисканцев. Эти ближе к практическим запросам жизни. Эти более, чем те, земные. Те, суровые аскеты, парят к небесному и словно ослепли для земного, а францисканцы служат и Богу, и католическому правительству, и народу.

Как это резко противоположно: трапписты и торговля!.. У них на уме только: молчаливая молитва, дума о смерти, умерщвление плоти. Покаяние, покаяние и покаяние. Уста открываются только для общей молитвы, когда она поется в церкви. Они как бы взяли на себя все грехи мира и просят Бога простить миру его грехи... А за

стенами обители идет все возрастающая добыча каменного угля, работают мельницы, стучат в кузницах мастера-цыганы; по дорогам тянутся обозы, ползут караваны, проходят стада, на реках покачиваются торговые суда. Что же именно нужно? Ну, даже, что нужнее?

Как бы то ни было, торгово-промышленного голоса не заглушишь. Напротив, чем более гаснет старо-турецкий дух и чем глубже в историю уходит восточная, азиатская “складка” жизни, с ленью, косностью и мистической природобоязнью, тем зlostнее звучит команда Меркурия-Турмса-Гермеса. Бывшая столица турецких опекунов-пашей Травник, до которого шестьдесят верст по железной дороге от Яйце, представляет живописное кладбище турецкого владычества. Пожары отняли у него османскую внешность. Рок погасил сияние полумесяца. Остались, как молчаливые доказательства бывшего господства Блистательной Порты, гробницы визирей да руины замков в окрестностях... Зато поднял голову католицизм в лице иезуитов и, повторяю, Гермес-Меркурий. Край занимается добычей соли и соды; хотя добыча и значительна, но было бы ошибочно думать, что в соляном районе царит оживление; нет, там тишина. Нельзя сказать, чтобы и сребреницкие серебряные, свинцовые и медные копи являлись внешне-кипучим муравейником. Яркий и блеск и расцвет босно-герцеговинской промышленности — в будущем, когда к деятельности примкнут сербы, в настоящее время загнанные и недостаточно подготовленные. Нечего скрывать, что большинство населения бродит впотьмах. Школа, руководимая воинствующим католицизмом, а где и иезуитами, понятно, вселяет в православных опасение. Родители сознают, что их дети выйдут из таких школ “обработанными” и “остриженными” под мадьярскую гребенку, и не отдают в них детей.

По правде сказать, лучше оставаться “пошехонцем”, чем стать ни Богу свечкой, ни чёрту кочергой.

Но кончится власть “Франца”, почувствуют босняки и герцеговинцы истинную свободу, радости настоящего человеческого существования, и прекрасная славянская земля эта станет неузнаваемой. Ведь как величава и могуча стала Сербия!

Проходят десятилетия за десятилетиями, а в судьбе “рабыни Боснии” никакой перемены, если не считать того, что турецкое ярмо заменено австро-венгерским. Исстрадавшаяся райя (земледельцы-христиане), не порвавшая с верою своих дедов, и отчаивается, и верит. Как в семидесятых годах прошлого столетия православные босняки и герцеговинцы, не видя просвета, “умоляли” христианскую Европу забросить их в леса и вообще в даль Америки, так и теперь, до войны, тридцать пять лет спустя, они готовы были затеряться там, ибо шваб похуже турчина. С другой стороны, теперь,

как и тогда, теплится в их сердцах надежда на Россию. “Должна же она, великая мајка (мать), освободить своих детей из тягостной неволи! Кто же, если не она?!”

Преемственно, от старых священников к молодым передается эта надежда, и служители алтаря сами живут этой надеждой и поддерживают ее в народе. Понятно, поэтому, что духовные отцы находятся в подозрении у Вены и Будапешта. С точки зрения правительства, попы — опаснейшие агитаторы и демагоги. Отчасти это справедливо, если иметь в виду близость славянского духовенства к народу и то, что поп становился, в минуту надобности, ташке и военным вождем: сам он бросался с оружием на врага и увлекал за собою в битву војник'ов (т. е. воинов). Он воспевал победы и умел, служа царю царей, рыдать под игом неволи и гнета, да так, что кто слышал его богослужение, призадумывался и, как говорится, мотал себе на ус. Сохранился рассказ про одного такого старенького священника, свидетеля босно-герцеговинского восстания. Славяне поднялись, было, за “крст часни и златну свободу” (крест честный и золотую свободу), но безуспешно; только землю полили своей кровью, только прибавилось могил на кладбищах да стонов... Ну, вот в один монастырек, приютивший раненых, пришел старенький, старенький поп. Каждое утро, ни свет, ни заря, входит, бывало, в убогую монастырскую часовенку, затеплит свечечку, накурит хорошенько ладаном и начинает...

— Војники спят?

— Спят...

Служитель Бога совершает утреню; читает почти что шепотом, поет разбитым голосом тоже негромко; один служить, в свое удовольствие... И с каждой минутой удовольствие он испытывал все больше; стариком овладевал восторг, его оставляло спокойствие; шептать молитвы, негромко петь он уже не мог. Разбитый голос вдруг приобретал силу, и весь монастырек словно настораживался. Старый поп громко изливался и, казалось, рыдал, рыдал, как дитя, брошенное матерью. А војники, а раненые, что же, спали? Ничуть: они молились и пели вслед за пастырем. Однако ж, плакал ли старик? Плакать-то плакал, но слезы не текли: они давно были все выплаканы, разве мало горя выпало на долю старого босно-герцеговинского священника?

Но не занимается ли уже заря новой жизни над страной? Исторический “выстрел в Сараеве”, за который “ухватились” Австро-Венгрия и Германия, не возвестил ли начало конца швабского владычества над “рабою Босно-Герцеговиной”.

V.

Столица Боснии — Сараево. — Внешность города. — Хузрев-бег — отец города. — Его могила и мечеть. — Сараевские достопримечательности. — Илидже-Баня. — Прежнее лечение.

Город Мостар.

Главный город Боснии Сараево соединен с Мостаром железной дорогой... Сарай означает: двор. Этот двор раскинулся на берегах реки Милячки, или Мильяцки, в красивой долине. На “Сараеве-дворе” можно наблюдать разноплеменный сброд: рядом с православным сербом, с католиком видишь турка, еврея и цыгана. Смесь одежд и лиц! На сараевских площадях ослы стоят в упряжи возле оседланных коней; изделия европейских мастеров чередуются с дарами восточной природы и работами местных кустарей. У входа в христианский храм протягивает руку за милостыней нищий-магометанин; около мечетей христиане разделяют с турками молитву. Цветистый амфитеатр зданий соответствует цветистой речи и цветистым одеждам. Стоит только окинуть глазом городское “нутро”, чтобы стало ясно, что это Восток. И европейское одеяние, которое напяливает на себя Сараево, не отнимает у него сущности Востока. Уж одни мечети чего стоят!..

В отличных гостиницах та же восточная “линия”. Диваны, тахты, ковры на стенах и на полу, что нога уходит в них, как в моховину, и зеркала, все способствует представлению об азиатской неге, все располагает к сладкому ничегонеделанию, к грезам и мечтаниям. Летнее небо — синее — видно в окна; из ближайших садов доносится журчанье ручьев, повсюду пестреют цветы, кроме, разумеется, зимнего

времени, но и зимою бродячие музыканты услаждают слух горожан и приезжих. Пожалуй, Сараево был веселым городом....

Он основан в 1263 году и за шесть с половиною веков существования видел и испытал многое. Пережив власть турок, не переживет ли он и швабскую власть? Да, не накануне ли он банкротства ее? И когда он станет достоянием “славянского краля”, тогда сербы, теперь молчаливые, будут похваливать: “Сараево — варош льепашна, вода здрава” (Сараево — красивый город, вода здоровая). Здоровая вода — поважнее архитектурных зданий, конаков (дворцов) и красивых мечетей. Но сомнительно, чтобы сербская или вообще славянская власть покровительствовала мусульманскому стилю, который распространяет нынешнее швабское правительство. (Эти строки писались до войны).

Насколько обязано Сараево швабам устройством электрического освещения, трамваев, шоссе, мостовых, “венских” кафе и т. п., настолько же оно обязано Хузрев-бегу восточной живописностью внешнего вида. При нем Сараево, бывшее собирательным именем поселений, превратилось в город и завелось незаурядными зданиями. Хузрев-бег господствовал в шестнадцатом столетии: Сараево — его детище...

При Хузрев-беге построена мечеть, которая и теперь, через 375 лет, восхищает зрителя своею цельностью и стройностью и, по рассказам знатоков, одна из самых выдающихся святынь мусульманских на Балканском полуострове. Но, видно, такова уже судьба мечетей: Айя-София в Константинополе обезображена снаружи разными пристройками, а Хузрев-бегову мечеть стеснили соседние здания: она в плену у них. Могила бега находится около мечети. Входная колоннада джамии служит не только защитой от зноя, но также и местом бесед правоверных. В час молитвы толпа их растет; во дворе мечети у фонтана они совершают обряд омовения; под тенистой липой дремлют типичные по своей лени турки и, дремля, ухитряются поддерживать разговор с проходящими и уходящими единоплеменниками.

Сторож, получивший с вас за право входа в мечеть полгульдена, предлагает прогулку на Аликомах, где их кладбище, но турецкие кладбища, по-моему, интересны лишь для тех, кто читает по-турецки и по-арабски, ибо в таком случае открываются перлы кладбищенской поэзии с заимствованиями из Корана и обиходной философии восточных Чацких.

Католический собор, после Хузрев-беговой мечети, других мечетей и “монастыря” дервишей, не представляет собою притягательного магнита; швабы соорудили здание в романски-готическом стиле и таких размеров, чтобы оно ясно говорило о величии

католической империи. Без сомнения, православные соборы будут соперничать своим величием и внутренней отделкой с католическими, когда для православных сербов придет возможность свободного строительства...

Сараевский музей, с историческим, естественным и этнографическим отделами, является ярким отражением прошлого и настоящего и показателем естественных богатств края. Впрочем, не только Боснии: в витринах показывается и наш ископаемый Урал. Этнографические музейные фигуры дополняют или, если хотите, запечатлевают типы и костюмы, которые видятся на базаре, особенно в дни приезда окрестных поселян. Базар — живая этнографическая выставка, яркая, красочная, содержательная. Ремесленники, земледельцы, торгошники — такие фигуры, если где еще и встретишь, то на Кавказе. В сравнении с этой толпой как однообразна, однотонна и, пожалуй, бессодержательна публика курортов, взять, хотя бы, к примеру, Илидже-Баню, в восьми верстах от Сараева!

В Илидже-Бане горячие серные ключи и парк. Кто не нуждается в лечении, тот ездит ради парка и чтоб поиграть в лаун-теннис, благо поезда летом ходят то и дело. Местными целебными водами пользовались еще языческие римляне. Во времена турецкого владычества Баня собирала у себя турок и христиан, страдавших от ревматизма и от кожных болезней; издали шли и ехали сюда больные, иных сюда несли на носилках. В конце 1850 годов здесь были “щегольские ханы (постоялые дворы), имевшие претензии на европейский вкус”; была довольно порядочная купальня. Вообще, по выражению Гильфердинга, Турция являлась тут как-то прибранной и щегольской... Но больные, тем не менее, предпочитали щегольских ханам — остановку у родственников, знакомых и просто добрых людей. Когда же под кровлями не находилось уже места, то приезжие ставили палатки, а то располагались и прямо под открытым небом.

Купались больные, купались и совершенно здоровые люди. Врачи отсутствовали; диагноз ставили окружающие или родственники больных, и так: тяжело больные должны были дольше высиживать в целебной воде, менее больным — кратковременная ванна. Случалось, что и досиживались до смерти. Кроме того, молодежь веровала, что от илиджийской воды хорошеют... Деревенщина признавала баню избавительницей от всяких существующих и не существующих болезней. С переходом Боснии в руки Австро-Венгрии илиджийской идиллии не стало. Патриархальная баня обратилась в европейский курорт, которого европейцы, впрочем, знать не хотят, а знают его только немецкие ревматики-чинуши, однообразные, как сосиски, кислые, как капуста.

Здесь я хочу сказать: конец. По окончании войны будет начало иным очеркам об иных уже Боснии и Герцеговине. Не рабынях!

Текст воспроизведен по изданию: Очерки Боснии и Герцеговины // Журнал «Исторический вестник» № 9 , 1915 год.

(Орфография текста частично изменена согласно с реформой русской орфографии 1918 года)